

писателей оба упомянутые народа прямо сопоставляются (Solin., Collect., XVII, 1), а горы аргипшеев, очевидно, по этой причине отождествляются с Рипеем (Mela, Chor., I, 19, 117; Plin., NH, VI, 19; Solin., Collect., XVII, 1).

Еще один вопрос, на котором мы остановимся, — это вопрос об этнической принадлежности исседонов. Автор сомневается в том, что исседоны были индоевропейцами (обычай съедения трупов родителей, практикуемый исседонами, не может быть индоевропейским, стр. 77). Судя по тому, что для фольклорного содержания «Аримаспеев», заимствованного у исседонов, Дж. Болтон устанавливает в большинстве случаев тюркско-монгольско-маньчжурское происхождение, он относит исседонов к этому кругу народов. Однако параллели к фольклорным мотивам «Аримаспеев» вряд ли можно ограничить указанным этнографическим кругом. Не меньше соответствий можно найти и у других народов. В одной рецензии на рассматриваемую работу уж отмечалось, например, что Рипей как «мировая гора» находят прекрасное соответствие в представлениях древних францев о золотой горе Нага¹⁹. В наше время на территории исседонов действительно живет народ тюркского происхождения, но две с половиной тысячи лет назад этнографическая карта этих мест была совсем иной. Вероятнее всего, исседоны, как их степные соседи на западе (савроматы) и юге (массагеты и саки), одинаково сформировавшиеся на основе андроновской и близких к ней культур, были ираноязычны.

Наконец, последнее, на чем нам хотелось бы остановиться, это вопрос о древних представлениях о Кавказе, Танаисе и Араксе. Дж. Болтон задевает эту проблему, когда говорит о географии пути Ио, описанного в «Прикованном Прометее» Эсхила, восходящей, как он полагает, к «Аримаспеев». Путь Ио у Эсхила очень трудно поддается географическому истолкованию, и чтобы устранить ряд противоречий, Дж. Болтон предлагает считать упоминаемый там Кавказ не обычным Кавказом, а северным, «рипейским», с которого течет Танаис (Дон). Мифические северные горы у Аристия будто бы так и назывались Кавказом, а не Рипеем, как их называли позднее (стр. 42, 52—

53, 74, 118, 176—177). Такой взгляд на Кавказ и Танаис (называвшийся тогда якобы Фаспом) автор считает очень древним — древнее, чем понтийская география (стр. 63—64).

Однако соответствующие сообщения Страбона (XI, 2, 2) и Дионисия Периегета (663 сл.) о Танаисе, вытекающем с Кавказа, на которые ссылается Дж. Болтон, отнюдь не выглядят особенно древними. Страбон заимствует это сообщение, видимо, у Феофана Митиленского (I в. до н. э.), причем, судя по контексту, речь здесь идет об обычном Кавказе. Как же все-таки получилось, что Танаис стали связывать с Кавказом? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно рассмотреть историю представлений о Танаисе и Кавказе отдельно. Как известно, название «Танаис» в древности прилагалось не только к Дону, но и к Сыр-Дарье. Особенно охотно отождествляли Сыр-Дарью с Доном в эпоху Александра Македонского и делали это не только из желания польстить великому полководцу, как думает Страбон (XI, 7, 4), но и в силу более древних географических воззрений, засвидетельствованных у Аристотеля (Meteor., I, 13, 16) и знакомых, может быть, еще Ктесию (ср. fr. Ib, c. 2, 1—4, FGH, IIS, I, стр. 421 сл.). Аристотель считает Танаис рукавом Аракса и выводит их с горы Парнакс, которую во времена походов Александра стали называть Паропамисом. Именно эта гора и была отождествлена македонянами с Кавказом (Strabo, XV, 1, 8—11; Arr., Ind., 2, 2—4). Отсюда понятно, почему истоки Танаиса искали на Кавказе. Таким образом, соединение Кавказа с Танаисом в географических представлениях греков связано со смещением Кавказа не в северном, а в восточном направлении, и вряд ли древнее, чем эпоха Александра.

В связи с проблемой Кавказа и Танаиса Дж. Болтон предлагает также свою трактовку Аракса некоторых античных писателей. Поскольку, как он полагает, Волга до Птолемея не упоминалась под своим особым именем, а с другой стороны, та же река известна под названием «Аракс» у Геродота (IV, 11; I, 201 сл.), то сведения об этой великой реке нужно искать также в сообщениях об Араксе у Страбона (XI, 8, 6), Аристотеля (Meteor., I, 13) и еще некоторых других авторов (стр. 59—60). Но, во-первых, особое название Волги (Ῥωρρς) приводит уже Геродот (IV, 123—124). Во-вторых, под Араксом у античных авторов имеются в виду, кроме кавказского Аракса, не только Волга (помимо Геродота так, например, у Диодора, II, 43, 2), но и Аму-Дарья (у того же Геродота, I, 201, 202, 208, 209, 211; III, 36, и у многих других). Это тот Аракс, который разделяет бактрийцев и скифов (Strabo, XI, 14, 13) и имеет еще другое имя — «Бактр» (Ps.-Plut., De fluv., XXIII, 1). Аракс Аристотеля

¹⁹ W. Burkert, «Gnomon», XXXV, 1963, № 3, стр. 237. Вообще нужно сказать, что многие фольклорные мотивы «Аримаспеев» и других античных сочинений настолько широко распространены, что сейчас уже невозможно установить их «этническое лицо». Заметим по этому поводу, что предание о «муравьином золоте» (о котором трактует и Дж. Болтон, стр. 80—82) знакомо также уральскому фольклору (сказ «Жабреев ходок» П. П. Бажова).

тотеля, вместе с Индом текущий с горы Парнасс (об этом же Араксе вновь говорят Гекатей (Эретрийский?) у Ps.-Scymn., 865 слл. и Василий Кесарийский, Нех., III, 6), и Аракс Страбона, орошающий страну массагетов, — это, несомненно, также Аму-Дарья, а не Волга, как думает Дж. Болтон.

В целом труд Дж. Болтона, безусловно, очень интересен, полезен и заслуживает всяческого внимания — особенно внимания советских историков и археологов. В этом труде фактически восстановлен и проанализирован древнейший письменный источник по истории той

части нашей страны, которая осталась за пределами распространения античной и древневосточных цивилизаций (т. е. Северного Причерноморья, Закавказья и Средней Азии). Причем общая концепция автора делает этот источник еще более ценным, поскольку считает его свидетельством путешественника-очевидца. Эта концепция аргументирована автором, на наш взгляд, вполне убедительно. Что же касается спорности некоторых частных выводов, то она совершенно неизбежна в такого рода работе.

И. В. Пьянков

Inscriptiones Latinae liberae rei publicae. Imagines. Consilio et auctoritate Academiae Scientiarum Germanicae collegit, praefatus est, notis indicibusque instruxit Atilius Degrassi (Corpus Inscriptionum Latinarum consilio et auctoritate Academiae Scientiarum Germanicae editum. Auctarium). В., 1965, XII+338 стр.

Составленный профессором А. Деграсси, заведующим кафедрой латинской эпиграфики Римского университета, альбом репродукций латинских надписей эпохи Римской республики представляет собой выдающееся по полноте собрание этого рода. Инициатива его создания принадлежит ученому секретарю редакции «Corpus Inscriptionum Latinarum» К. Шубрингу, который после выхода в свет предназначенного для учебных целей сборника избранных латинских надписей республиканского времени А. Деграсси¹ подал составителю мысль² дополнить этот сборник изданием фотографических воспроизведений входящих в него надписей. Инициатива эта была поддержана Институтом изучения греко-римской древности Берлинской Академии наук, по рекомендации которого альбом был принят к изданию в качестве дополнительного тома основного Моммзенем фундаментального корпуса латинских надписей. Таким образом, альбом Деграсси связан преемственностью с вышедшим в свет более ста лет тому назад грандиозным трудом Фридриха Ричля (Priscaae Latinitatis Monumenta Epigraphica ad archetyporum fide exemplis lithographis repraesentata) (Берлин, 1862). Ричль поставил перед собой задачу дать максимально полный свод «памятников древней латыни», т. е. надписей республиканского периода, в та-

ких воспроизведениях, которые могли бы в известной степени заменить самые оригиналы в случае их утраты, и для решения этой задачи использовал все возможности тогдашней репродукционной техники. Предвидение Ричля, к сожалению, вполне подтвердилось действительностью: уже в настоящее время утеряны многие надписи, представленные в его собрании превосходно выполненными литографированными перерисовками, и это придает самим PLME значение памятника, который не может быть антиквирован никаким последующим изданием латинских надписей. Вместе с тем, однако, с каждым годом накапливается новый эпиграфический материал, и публикации отдельных находок в периодических изданиях не устраняют необходимости в общем своде, который мог бы быть использован как оружие исследовательской работы в области латинской эпиграфики и как учебное пособие. Этим целям и служит рассматриваемое издание.

О трудностях, которые пришлось преодолевать составителю, лучше всего даст представление выдержка из предисловия к сборнику: «Моей целью было собрать как можно больше надписей, имеющих сколько-нибудь важное значение. Но хотя я и не щадил усилий, сделать то, что было предположено, оказалось возможным лишь частично. Прежде всего, очень многие надписи из сел и мелких городков Италии, изданные Моммзенем и его учениками и помощниками, не говоря уже о более ранних публикациях, а также и надписи, найденные и изданные позднее, вследствие небрежности населения и невзгод военного времени по-

¹ A. Degrassi, *Inscriptiones Latinae liberae rei publicae*, fasc. I, Firenze, 1957; fasc. II, 1963 («Biblioteca di Studi Superiori», XXIII, XL).

² «Gnomon», XXXI, 1959, 549 сл.

несли такой ущерб, что, обследуя местности Средней и Южной Италии, легче найти новые надписи, чем уже изданные. Этим объясняется, что мне пришлось дать относительно больше вновь найденных надписей, чем известных уже с давних времен. Далее, нельзя умолчать о том, что администраторы археологических работ в Италии, обремененные разнообразными обязанностями, не могут уделять должную заботу хранению, а тем более изданию всех памятников, которые подарила щедрая земля при планомерных или случайных раскопках. В особенности же это относится к эпиграфическим памятникам, использованием и изданием которых занимаются лишь немногие. Не более благоприятна судьба и тех надписей на камне, которые вошли в музейные собрания: вследствие недостатка места, а также и недостаточного внимания к ним они или разбросаны по различным залам или навалены кучей одна на другую, так что найти определенную надпись весьма затруднительно. Даже там, где надписи собраны в одном месте и расположены в определенном порядке, как, например, в Римском национальном музее, вследствие различных препятствий не всегда можно извлечь ту или иную надпись из общей массы и перенести ее на место, удобное для фотографирования» (стр. VII).

Тем более высокого признания заслуживает труд А. Деграсси, достойный занять место рядом с PLME знаменитого Ричля. Собрание содержит 401 надпись в фотографическом воспроизведении, в том числе более 60 надписей, не вошедших в CIL. Следует, однако, подчеркнуть, что ценность книги определяется не только этими добавлениями, но не в меньшей мере и тем преимуществом в технике воспроизведения, которое дает фотография по сравнению с прорисовками, хотя бы и столь тщательно выполненными, как это сделано в PLME. Издатель указывает в предисловии (стр. IX) ряд исправлений, которые на основании помещенных в его книге фоторепродукций могут быть внесены в чтения, принятые в CIL. Следует, однако, отметить, что Munius вместо Munius в надписи 71 (= CIL, I², 632) основано не на ошибочном прочте-

нии оригинала, а на конъектуре Моммзена, принятой и Бюхелером (СЕ, 248). Помимо точности передачи самих начертаний надписей, большим преимуществом фотографии является возможность наглядно показать их *in situ*, что особенно важно для надписей, входящих как элемент в архитектурное целое. Таковы, например, в рассматриваемом сборнике гробница Г. Попликия Бибула (156 = CIL, I², 834), Фабрикий мост (167 = CIL, I², 151), ферентинская крепость (235, 236 a, b = CIL, I², 1522, 1524, 1525), гробница М. Вергилия Еврисака (305 = CIL, I², 1203).

Значительный интерес представляет самый подбор вошедших в альбом надписей.

Несмотря на возникшие при фотографировании надписей затруднения, ⁵⁰ которых составитель говорит в предисловии, в сборнике с достаточной четкостью отражен первоначальный план издания — представить в фотографическом воспроизведении важнейшие из надписей, которые содержатся в изданном А. Деграсси в качестве университетского учебного пособия сборнике эпиграфических текстов. Существенной чертой этого сборника, отличающей его от таких распространенных сборников, как издания Эрну, Уормингтона, Пизани, где надписи рассматриваются в основном по традиции, идущей от самого Ричля, как «эпиграфические памятники древней латыни», является то, что в нем главное внимание как в подборе самих надписей, так и в сопровождающем их комментарии и вспомогательном аппарате, уделено освещению их содержания как памятников истории и быта древней Италии. При этом, однако, благодаря наличию в альбоме указателей, в которых надписи сгруппированы по хронологическому и территориальному признакам, всецело сохранены возможности использования его при изучении истории латинского языка и латинской эпиграфики.

Необходимо пожелать, чтобы этот прекрасный альбом вместе с дополняющим его изданием текстов стал достоянием каждой научной библиотеки, уделяющей внимание античной истории.

Я. М. Боровский

KLAUS PARLASCA. *Mumienporträts und verwandte Denkmäler*, Deutsches Archäologisches Institut, Franz Steiner Verlag, Wiesbaden, 1966, 294 стр., 9 цветных табл., 2 карты, 10 илл. в тексте, 62 табл. с 209 илл.

Капитальный труд К. Парласка по существу является первым этапом в создании автором корпуса сохранившихся до сегодняшнего дня египетских живописных портретов на мумиях. Имя К. Парласка известно по ряду крупных исследований¹ и статей об египетском живописном портрете первых веков нашей эры, в частности, об его генезисе и сложении². В рецензируемой работе автор, однако, не ограничивается лишь материалом живописных портретов, а приводит широкий круг аналогий с самыми разнообразными памятниками (что явствует и из самого названия книги). Кроме расписных стукковых масок, обычно привлекаемых при рассмотрении фаюмских портретов, К. Парласка воспроизводит также планы некоторых гробниц, в которых были обнаружены эти портреты. Параллельно с изучением портретов на дереве и тканях он обследовал и дошедшие до нас росписи стен египетских гробниц римского времени; на это К. Парласка специально указывает в вводной части своего исследования. В важности привлечения подобных росписей при исследовании стеновых портретов мог убедиться и автор данной рецензии, знакомясь в особенности с росписями некоторых гробниц в Александрии.

Собранный и детально изученный К. Парласка материал поистине грандиозен. В одной из недавних еще работ указывалось около 478 портретов мумий римско-эллинистической эпохи, дошедших до наших дней³. К. Парласка доводит эту цифру до 750 с лишним памятников. Автором изучены все доступные ему портреты из музеев и частных собраний Западной Европы, Египта, Америки и СССР. Этот огромный материал охватывает период в четыре столетия, начиная с ранних лет Римской империи и до конца IV в.

Книга начинается с предисловия и введения (стр. 8—17) и распадается на шесть глав (стр. 18—212). Далее следует историографический раздел — «Analytische Bibliographie» (стр. 213—243). Эта глава, кроме перечня и анализа отдельных работ, содержит также замечания о технике

мумийных портретов. Заканчивается исследование рядом приложений с индексом названий мест находок, музеев и отдельных памятников.

При всем том работа К. Парласка не есть еще история позднеегипетской портретной живописи с установлением последовательных этапов ее развития. Рассматриваемый нами труд лишний раз показал, как много еще остается неизвестных фактов и сколько еще не решенных вопросов возникает при глубоком изучении египетских живописных портретов греко-римской эпохи. Поэтому претендующая на полноту история этого вида памятников была бы еще преждевременна. Но вместе с тем тщательность и глубина, с какой автор исследовал ряд важнейших проблем, позволяет утверждать, что отныне изучение истории в основном фаюмских портретов находится на более высокой фазе своего развития. При этом следует отметить одну черту исследовательского метода К. Парласка, характерную как для его предыдущих работ, так и в особенности для данного труда. Автор чрезвычайно осторожен в своих высказываниях. Каждое его утверждение вытекает из тщательного изучения разносторонних источников: исторических, археологических и филологических. Атрибуция всегда дается по совокупности признаков. К. Парласка всячески избегает субъективных высказываний.

Особую благодарность автор выносит двум ученым, которым он и посвящает свой труд: А. Адриани и Б. Ботмеру — «пионеру в изучении позднеегипетской пластики и инициатору создания корпуса позднеегипетской скульптуры» (стр. 10). О Б. Ботмере я имел уже случай писать и полагаю, что его труд во многом облегчил задачи изучения древнеегипетского художественного наследия, воспринятого последующим искусством живописных портретов первых четырех веков нашей эры⁴.

Из всех вопросов, поднятых К. Парласка в рецензируемой книге, я остановлюсь лишь на более существенных, изучение которых позволяет сделать новые и интересные выводы.

В книге приводится сравнительно большое число портретов, датированных автором IV веком. Факт этот имеет для нас особый интерес, поскольку в коллекции фаюмских портретов из собрания Гос. музея изобразительных искусств им.

¹ См., например, K. Parlasca, Die Römischen Mosaiken in Deutschland, B., 1959.

² K. Parlasca, Zur Entstehung der Mumienporträts, «Der XV Deutsche Orientalistentag, Göttingen, 1961», ZDMG, 1961, т. 111, № 2 (1962), стр. 381.

³ H. Zalusker, Porträts aus dem Wüstensand. Die Mumienbildnisse aus der Oase Fayum, Wien — Münch., 1961, стр. 58.

⁴ См. рецензию на книгу Б. Ботмера «Egyptian Sculpture of the Late Period», N. Y., 1960 — ВДИ, 1962, № 3, стр. 163—166.